

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Б42

Серия «Детектив — самое лучшее»

Simon Beckett

THE SCENT OF DEATH

Перевод с английского *Н. Кудряшева*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Curtis Brown UK и The Van Lear Agency.

Бекетт, Саймон.

Б42 Запах смерти : [роман] / Саймон Бекетт ; [перевод с английского Н. К. Кудряшева]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 416 с. — (Детектив — самое лучшее).

ISBN 978-5-17-117706-5

В холле старинного, давно заброшенного больничного комплекса, готовящегося на слом, неожиданно находят труп. Знаменитого эксперта-криминалиста Дэвида Хантера вызывают осмотреть ужасную находку. Но прежде чем он успевает сделать вывод, частично обрушивается пол больничного чердака – и старая больница открывает новую мрачную тайну: замураванную комнату с кроватями, на которых лежат другие тела...

Дэвиду Хантеру многое пришлось повидать в жизни. Он имеет все основания считать себя человеком с крепкими нервами. Однако то, что происходит теперь, даже ему напоминает некий изощренный и извращенный ночной кошмар.

И чем дальше ведет его расследование, тем яснее он понимает: старая больница еще не забрала свою последнюю жертву...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Hunter Publications Ltd., 2019
© Перевод. Н. Кудряшев, 2019
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-117706-5

Посвящается моему отцу Фрэнку Бекетту (июль 1929 – апрель 2018), который всегда умел заглядывать вперед

Глава 1

Большинство людей полагают, будто им известен запах смерти. Якобы разложение обладает хорошо различимым, легко узнаваемым, дурным запахом могилы.

Они заблуждаются.

Смерть — процесс сложный. Чтобы некогда живой организм превратился в кучку иссохшихся костей и минералов, он должен пройти длинный ряд замысловатых биохимических преобразований. И хотя выделяющиеся при этом газы представляются неприятными, они лишь толика «меню», сопровождающего распад плоти.

Разлагающиеся ткани вырабатывают сотни хрупких органических соединений, и каждое имеет собственные неповторимые свойства. Многие из них — особенно те, что сопровождают распад плоти на средних его стадиях, гниения и вздутия, — обладают несомненно неприятным запахом, можно сказать, вонью. Диметилтрисульфид, например, пахнет гнилой капустой. Масляная кислота и триметиламин — смесью блевотины и тухлой рыбы. Еще одно вещество — индол — запахом напоминает фекалии.

Впрочем, в небольших количествах индол обладает изысканным цветочным ароматом, какому позавидовали бы производители парфюмерии. Гексанал, выделяющийся как на ранних, так и на поздних стадиях разложения, напоминает запахом свежескошенную траву, тогда

Саймон Бекетт

как аромат бутанола сравним скорее с запахом опавшей листвы.

Аромат распада можно описывать до бесконечности — как букет хорошего вина. И поскольку если у смерти чего и хватает, так это сюрпризов, в определенных условиях он может проявляться совсем неожиданно.

Так, как вы этого никак не ожидали.

— Ступайте осторожнее, доктор Хантер, — предупредил идущий передо мной Уэлан. — Промахнетесь ногой мимо настила — и провалитесь сквозь потолок.

Он мог бы и не напоминать. Я поднырнул под низкую стропильную балку, каждый раз внимательно выбирая место, куда поставить ногу. Необъятный чердак превратился в духовку. Полуденная жара словно накапливалась под кровлей из сланцевых пластин, а медицинская маска мешала дышать нормально. Резинки от защитного капюшона больно врезались в лицо, руки в резиновых перчатках неприятно потели. Я еще раз попробовал смахнуть пот с глаз, но лишь размазал его по лицу.

Старый больничный чердак впечатлял своими размерами. Он тянулся во все стороны, и стены его растворялись в темноте, сгустившейся еще сильнее по контрасту с временным освещением. Настил из алюминиевых щитов, перекинутых между чердачными балками, прогибался под тяжестью наших тел.

Я только надеялся, что балки не прогнили.

— Знакомы с этой частью Лондона? — не оглядываясь, спросил Уэлан.

Акцент полицейского инспектора выдавал в нем уроженца северных мест — скорее ближе к Тайну, нежели к Темзе. Коренастый здоровяк лет сорока, когда мы с ним встретились примерно час назад, его вьющиеся седые волосы и борода насквозь промокли и даже немного

разгладились от пота. Теперь же лицо Уэлана и вовсе скрылось под маской и капюшоном белого защитного комбинезона.

— Не очень.

— Ну без веской причины сюда лучше не заглядывать. Да и вообще избегать. — Он пригнулся под очередной стропильной балкой. — Осторожнее, берегите голову.

Я последовал его примеру. Даже с алюминиевым настилом перемещаться по чердаку было нелегко. Толстые деревянные балки нависали над головой, казалось, без всякой системы, только и ожидая возможности раскроить череп всякому, кто недостаточно пригнется, а над полом, если его можно так назвать, тянулись старые трубы, как бы приглашавшие споткнуться. Повсюду темнели кирпичные дымоходы, и часть их располагалась прямо на нашем пути, так что алюминиевым щитам приходилось каждый раз огибать их.

Я смахнул с лица паутину. Покрытые толстым слоем пыли гирлянды паутин свисали со стропил, как изорванные театральные кулисы. Пыль покрывала на чердаке все — даже желтая строительная пена в местах соединений балок превратилась в бесформенные коричневые наросты. Хлопья пыли кружились в воздухе, вспыхивая в лучах полицейских ламп. Глаза слезились от пыли, и я ощущал ее даже во рту — несмотря на респиратор.

Что-то пролетело над головой. Я не столько увидел, сколько ощутил это и машинально пригнулся. Однако, выпрямившись, не увидел ничего, лишь темноту. Приписав это воображению, я сосредоточился на том, чтобы не промахнуться ногой мимо настила.

Светлый круг впереди обозначил нашу цель. Под яркими фонарями на штативах, на расширении настила

Саймон Бекетт

у очередного дымохода стояла группа фигур в белом. С той стороны доносились приглушенные масками голоса. Полицейский фотограф снимал нечто, лежавшее у их ног.

Уэлан остановился, не доходя до них несколько шагов:

— Мэм! Эксперт-антрополог пришел.

Одна фигура отделилась от группы и повернулась в мою сторону. Та небольшая часть лица, которую я мог разглядеть поверх маски, раскраснелась и блестела от пота. Мешковатый белый комбинезон не позволял понять, мужчина это или женщина. Впрочем, мы уже не раз работали вместе. Приблизившись, я увидел, что все стоит вокруг предмета, завернутого, как в ковер, в синтетический брезент. Один край этого рулона был немного размотан. Из него выглядывало иссохшее, цвета сливочной помадки лицо с туго обтянутыми кожей скулами и пустыми глазницами.

Я не заметил очередной балки и стукнулся об нее головой — с силой, от которой даже зубы лязгнули.

— Осторожнее! — воскликнул Уэлан.

Я потер лоб. Было не так больно, как неловко. Хорошенькое начало.

Полдюжины лиц повернулось в мою сторону, бесстрастно глядя на меня поверх масок. Только у женщины, к которой обращался Уэлан, глаза прищурились, и в уголки их сбежались морщинки: она явно улыбалась под маской.

— Добро пожаловать в Сент-Джуд! — произнесла инспектор Шэрон Уорд.

Двенадцать часов назад я проснулся в холодном поту. Рывком сел в кровати, не понимая, где нахожусь. Рука моя непроизвольно ощупала живот, ожидая на-

ткнуться на липкую кровь. Однако кожа под пальцами была сухой и гладкой, если не считать давно зажившего шрама.

— Ты в порядке?

Рэйчел встревоженно приподнялась на локте, положив другую руку мне на грудь. Сквозь тяжелые шторы пробивался дневной свет, позволявший различить силуэты мебели, не более. Я дождался, пока мое дыхание немного успокоится, и кивнул.

— Извини.

— Снова кошмар?

У меня перед глазами еще темнела густая кровь и блестело лезвие ножа.

— Ну не самый страшный. Я тебя разбудил?

— Меня и всех в доме. — Наверное, на моем лице отразился ужас, потому что она улыбнулась. — Шучу. Ты только дергался как безумный. Никто ничего не слышал. Опять тот же сон?

— Не помню. Который час?

— Начало восьмого. Я как раз собиралась вставать и варить кофе.

Остатки кошмара продолжали липнуть ко мне холодным потом, когда я опустил ноги на пол.

— Все в порядке. Я сам приготовлю.

Натянув на себя какую-то одежду, я вышел и тихо притворил за собой дверь спальни. Стоило мне оказаться в коридоре одному, как моя улыбка исчезла. Я глубоко вздохнул, отгоняя остатки сна. Все это не взаправду, напомнил себе. На сей раз не взаправду.

В доме царил тишина, как бывает в ранние предраусветные часы. Громкое тиканье часов лишь подчеркивало тишину, пока я шлепал в кухню. Толстый ковер в коридоре сменился плиткой, приятно холодившей босые ступни.

Саймон Бекетт

Воздух не совсем еще остыл от вчерашней жары, а каменные стены старого дома хранили тепло бабьего лета, которым мы наслаждались последние дни.

Я накидал в фильтр молотого кофе, щелкнул выключателем кофеварки и налил себе стакан воды. Потом медленно пил воду, стоя у окна и глядя поверх садовых деревьев на зеленеющие поля. Солнце уже встало и сияло на синем небосклоне. Вдалеке паслись овцы, а чуть в стороне виднелась рощица, листва которой уже окрашивалась багрянцем. Она еще не опадала, но ждать этого осталось совсем недолго. Пейзаж напоминал картинку с подарочного календаря, на которой не может случиться ничего плохого.

Помнится, бывали места, где мне тоже так казалось.

Джейсон называл коттеджем их с Аней второй дом. По сравнению с их основным огромным лондонским особняком в парке Белсайз, возможно, это представлялось именно так, и все же характеристика была неточной. Выстроенный из теплого котсуолдского камня большой дом с соломенной крышей красовался бы на обложке любого журнала. Он находился на окраине славной деревушки, паб которой украшала мишленовская звезда, а узенькая главная улочка в выходные была забита «Рейндж Роверами», «Мерседесами» и «БМВ».

Когда Джейсон и Аня пригласили нас к себе на выходные, я опасался, не приведет ли это к неловкости. Они были моими лучшими друзьями до того, как мои жена и дочь погибли в ДТП. Я и с Карой познакомился-то на одной из их вечеринок, и они были крестными у Эллис, так же как я — у их дочери, Миа. К моему облегчению, они приняли Рэйчел вполне благосклонно, но одно дело — выпить вместе рюмку-другую или пообедать, и совсем иное — провести в обществе друг друга несколько дней. Мы с Рэйчел познакомились полгода назад, ког-

да я расследовал жестокое убийство в болотах Эссекса. Я боялся, что если взять ее с собой к друзьям из моей прошлой жизни, это может показаться странным, и наши прошлые взаимоотношения с Аней и Джейсоном заставят ее ощущать себя чужой.

Но все получилось хорошо. Если порой я и испытывал ощущение раздвоенности, когда моя прошлая жизнь накладывалась на новую, это всякий раз быстро исчезало. Выходные прошли в прогулках по полям и лесам Котсуолда, с обедами в местных пабах и долгими, ленивыми вечерами. По всем стандартам, это были абсолютно идиллические дни.

Если бы не ночные кошмары.

Кофеварка у меня за спиной начала булькать, и кухня наполнилась ароматом кофе. Я налил две чашки, когда лестничные ступени заскрипели под чьими-то шагами. Впрочем, и не оглядываясь, я знал, что это Джейсон.

— Привет, — произнес он, подслеповато щурясь спросонья. — Ты сегодня рано.

— Подумал, что неплохо бы сварить кофе. Надеюсь, это не страшно?

— Пока найдется чашка для меня — ничего.

Он опустил на стул у кухонного островка и сделал вялую попытку запахнуть халат, прежде чем его вид выйдет за рамки приличия. Впрочем, даже так из-под халата выбивалась буйная растительность на груди, тянущаяся вверх по шее вплоть до бритого подбородка. Заросшее щетиной лицо и редящие волосы, казалось, принадлежали другому телу.

Джейсон взял у меня чашку кофе, буркнув что-то в знак благодарности.

Мы с ним знали друг друга еще со студенческой скамьи в медицинском колледже, задолго до того, как моя жизнь покатила совсем по другим рельсам. Я пред-

Саймон Бекетт

почел медицине непростую карьеру эксперта-антрополога, а Джейсон стал преуспевающим хирургом-ортопедом, который мог себе позволить второй дом в Котсуолде. Он и в колледже не любил вставать рано, и прошедшие годы этого не изменили. Как и количества вина на сон грядущий.

Джейсон сделал глоток кофе и поморщился:

— Не знаешь никаких средств от похмелья?

— Не пей много.

— Смешной совет. — Он еще глотнул, на сей раз осторожнее. — Во сколько вы с Рэйчел собирались ехать?

— Не раньше обеда.

Из Лондона мы прибыли на моей, так сказать, новой машине — подержанном, однако вполне надежном внедорожнике, и не собирались возвращаться до сегодняшнего вечера. Но при мысли, что выходные почти прошли — и о том, что ждет меня завтра, — в груди возникла какая-то пустота.

— Когда у Рэйчел рейс? — поинтересовался Джейсон, словно угадав мои мысли.

— Завтра ближе к полудню.

Он внимательно посмотрел на меня:

— Ты в порядке?

— Да.

— Это же лишь на несколько месяцев. Все будет хорошо.

— Знаю.

Джейсон решил не развивать эту тему. Он встал, шагнул к настенному шкафу, достал из него упаковку парацетамола и ловким движением вытащил пару таблеток.

— Господи, что с башкой, — простонал он, открывая бутылку минеральной воды из холодильника. Запивая таблетки, Джейсон посмотрел на меня и скорчил кислую рожу. — Только не начинай.

— Я и слова не сказал.

— Вот и не надо. — Он вяло махнул рукой. — Ладно, валяй. Облегчи душу.

— А что толку? Мне ведь нечего добавить, кроме того, что ты и так знаешь.

В нашу бытность студентами Джейсон отличался отменным аппетитом. А теперь он достиг наконец того возраста, когда излишества начали сказываться. Стройностью Джейсон не отличался никогда, сейчас же набрал вес, и тело его приобрело рыхлость, дополняющуюся нездоровым цветом кожи. Однако мы только недавно начали общаться после перерыва в несколько лет, и мне не хватало духу поднимать эту тему, как я сделал бы раньше. Я даже обрадовался, что Джейсон завел разговор первым.

— На работе напряг. — Он передернул плечами и посмотрел в окно. — Урезание бюджета, дежурства... Действует на нервы. Порой я думаю, что ты поступил правильно, уйдя из профессии.

Я выразительно обвел взглядом его красиво обставленную кухню:

— Ну ты тоже не бедствовал!

— Ты знаешь, о чем я. И потом, талия у меня, возможно, шире нормы, но я ведь не подсел на кокаин или что-либо еще.

— Уверен, твои пациенты благодарны тебе за это.

— Мои, по крайней мере, пока живы.

Похоже, юмор к Джейсону вернулся. Поглаживая живот, он направился к холодильнику.

— Как насчет сэндвича с беконом?

Мы с Рэйчел уехали после ленча. Джейсон приготовил воскресное блюдо — шкворчащее говяжье ребро, с которым он справился просто замечательно, а Аня ис-

Саймон Бекетт

пекла на десерт меренги. Она настояла, чтобы мы захватили несколько штук с собой — вместе с парой толстых ломтей жареного мяса.

— Зато вам не придется заезжать в магазин, — заметила она, когда я попробовал отказаться. — Я же тебя хорошо знаю, Дэвид. Стоит Рэйчел уехать, как ты перестанешь готовить или вообще будешь обходиться тем, что найдешь в холодильнике. А на омлетах долго не проживешь, поверь мне.

— Я не живу на омлетах, — возразил я, хотя и сам не слишком-то верил в это.

Аня отозвалась на это со спокойной улыбкой:

— Ну тогда ты не будешь возражать насчет кое-какого провианта?

Всю обратную дорогу в Лондон мы с Рэйчел почти не разговаривали. Вечер был замечательный, поля Котсуолда пестрели изумрудными и золотыми красками, деревья с приближением осени тоже начинали желтеть. Однако призрак ее завтрашнего отлета будто незримо присутствовал в машине, отравляя нам удовольствие.

— Это лишь на три месяца, — промолвила Рэйчел, словно продолжая беседу. — И Греция не так далеко.

— Я знаю.

Греция не так уж и близко, но я понимал, что она имеет в виду. Прошедшим летом Рэйчел сознательно отказалась от шанса продолжить карьеру океанолога в Австралии. Предпочла остаться со мной, поэтому мне не следовало возражать против временной работы в Эгейском море.

— И лететь туда всего четыре часа. Ты всегда можешь приехать ко мне на выходные.

— Все в порядке, Рэйчел, правда. — Мы уже давно решили, что этой работой она должна заниматься без помех. — Твоя работа, тебе нужно лететь. Будем видеться каждые несколько недель.

— Понимаю. Просто не хочу расставаться.

Я тоже не хотел. Подозреваю, Джейсон и Аня — скорее именно Аня — пригласили нас к себе именно поэтому: хотя бы немного отвлечь нас от мыслей о расставании. Впрочем, избежать их сейчас мы уже не могли.

Рэйчел перелистала не слишком обильное музыкальное меню музыкального центра.

— Как насчет этого? Джимми Смит, «Кошка»?

— Лучше что-нибудь еще.

Рэйчел бросила попытки найти что-либо в моем музыкальном собрании и просто включила радио. В общем, оставшуюся часть поездки мы проделали под шепчущий звуковым фоном рассказ о разведении альпак. Поля сменились пригородной застройкой, а та, в свою очередь, — кирпичом и бетоном городских зданий. Я успешно подавил машинально попытку свернуть к своей старой квартире в Восточном Лондоне. Большую часть минувшего лета я провел не там, но до сих пор испытывал странные ощущения, направляясь в другое место.

Улица, на которую я приехал, была тихой, зеленой. Миновав георгианские особняки, белевшие сквозь деревья, я направил автомобиль к раздражающе-современному многоквартирному дому, возвышавшемуся за ними. Построенный в семидесятых годах, десятиэтажный Бэллэрд-Корт, казалось, весь состоял из бетонных углов, и в его тонированных окнах словно в дымке отражалось вечернее небо. Я слышал, что дом считается одним из классических примеров бруталистской архитектуры, и я в это верю. Нечто brutальное в нем определено есть.

Я притормозил у ворот и вставил карточку в слот. Пока ворота медленно открывались, я глядел на зазубрины балконов и не сразу заметил, что Рэйчел смотрит на меня.